

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Акимов О.Ю. К вопросу об особенностях творчества Василия Розанова (опыт интерпретации предположений)

// Философия и культура. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.8.71359 EDN: QSKWLT URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71359

К вопросу об особенностях творчества Василия Розанова (опыт интерпретации предположений)

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

РАНХиГС КАЛИНИНГРАД

Акимов Олег Юрьевич

ORCID: 0000-0003-0941-7382

кандидат философских наук

ведущий научный сотрудник Западного филиала РАНХиГС при Президенте РФ
236016, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Артиллерийская, 62

✉ aktula1@gmail.com

[Статья из рубрики "Проблемы целостного мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2024.8.71359

EDN:

QSKWLT

Дата направления статьи в редакцию:

24-07-2024

Дата публикации:

31-07-2024

Аннотация: В статье анализируется ряд предположений относительно творчества В.В. Розанова, возможностей его интерпретации. Под предположением понимается догадка и

вместе с тем намеченный план, позволяющий сблизить между собой разные трактовки творчества Розанова сложившееся в истории отечественной философии. Вместе с тем в качестве предположений рассматриваются отдельные утверждения Розанова, касающиеся сближения между собой схем разума и сторон мира, высказанные мыслителем в работе «О понимании». Такая стратегия исследования позволила показать, что «предположения» исследователей: Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, В.В. Бибикина, А.В. Соболева и др. связаны с предположениями В.В. Розанова. Общим основанием спекуляции В.В. Розанова и концепций исследователей является феномен потенциальности, объединяющий между собой ранние и поздние произведения Розанова. Произведения «позднего» Розанова являются реализованными потенциями заложенных в трактате «О понимании» идей, что позволяет интерпретировать творчества мыслителя как движение от частного (конкретных образов) к целому (метафизике мыслителя), основываясь на концепции круга понимания. В исследовании были использованы метод историко-философской реконструкции (сопоставление отдельных аспектов учения Аристотеля о потенции и интуитивного постижения потенциальности в трактате Розанова «О понимании», синхронический метод (при анализе отличий интуиции понимания Розанова и особенностей интерпретации отдельных гносеологем в русской религиозной философии). Новизна исследования заключается в интерпретации поздних произведений В.В. Розанова «Уединенного», «Опавших листьев», «Мимолетного», «Апокалипсиса нашего времени» как продолжения интенций раннего трактата В.В. Розанова «О понимании». Для этого было в свою очередь осуществлено ситуативное сближение герменевтической теории Г.Г. Гадамера (учения о круге понимания) и учения об интерпретативном символе А.Ф. Лосева. Взаимная интеграция отдельных установок этих концепций позволила интерпретировать иррационализм Розанова (несовпадение схем разума и сторон мира) как форму рационального постижения универсума, не игнорируя при этом иррациональный характер отдельных интуиций мыслителя, особенности которых были рассмотрены на основе установок герменевтического подхода Г. Г. Гадамера, что позволило выявить своеобразие интенций Розанова.

Ключевые слова:

Мир, Творчество, Предположение, Интерпретация, Символичность, Идеи, Поиск, Теория, Разум, Потенциальность

Введение

Для изучения творчества В.В. Розанова необходима особая «стратегия» прочтения, которой, как мы считаем, является предположение. В русской религиозно-философской традиции термин «предположение» был использован Е. Н. Трубецким, показавшим, что теория познания не в состоянии обойтись без метафизических предпосылок, а их «...преодоление Кантом носило формальный характер»^[1, с.10]. Предположения формулируются Трубецким в качестве ответа на поставленные Кантом вопросы, выдвигая их, философ остается в пространстве гносеологии, а не «чистой метафизики». Термин «предположение» утверждает проблематичность полученного ответа в связи с тем, что разрешение вопроса может быть относительным. М.К. Мамардашвили, подчеркивая проблемный характер философии, призывал опираться на «презумпцию ума»^[2, с.27], в соответствии с которой «мнение» философа можно диалогически комментировать. Проблемный характер мнения составляет его достоинство в силу

относительности человеческого знания, поэтому термин «предположение», определяемый С. И. Ожеговым как догадка и как предварительный план, демонстрирует проблематичность знания как преимущество видения.

Особое значение термина «предположение» было разработано Г.Г. Гадамером. Основываясь на его концепции, мы рассмотрели сначала интуиции В.В. Розанова, высказанные в трактате «О понимании» и вошедшие в качестве образов в «Мимолетное», «Уединенное», «Опавшие листья», «Апокалипсис нашего времени», а затем толкования творчества Розанова, сложившиеся в истории отечественной философии как предположения, таким образом, предметом исследования является опыт интерпретации творчества Розанова посредством предположений; целью - экспликация предположения, сводящего воедино рефлексивную и интуитивную видение в контексте разных стратегий интерпретации творчества Розанова. «Пред-мнениями» для нашей интерпретации являются «точки зрения» П.А. Флоренского, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, В.В. Библихина, Г.П. Федотова и др. На основе их толкования в контексте учения А.Ф. Лосева о символе и теории хронотопа М.М. Бахтина было сформулировано предположение, позволяющее рассмотреть творчество Розанова как универсальный символ, особенности которого соответствуют интенциям трактата «О понимании».

Особенности творчества Розанова как предпосылки для выдвижения предположений

Творчество требует не только понятийного анализа, но и диалогического вчувствования в розановский образ мира, поэтому В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, В.В. Библихин и др. рассматривали учение Розанова в связи с особенностями его личности и жизни. Особое видение было у В.В. Библихина, эксплицировавшего творчество Розанова в топонимическом и временном контексте, связанном с жизнью провинциальной России, в духовном пространстве которой стала возможной работа В. В. Розанова «О понимании».

«Желание» отнести Розанова к целому: пространственно-временному континууму или направлению в философии показывает, что, по мнению исследователей, Розанов в этот контекст не входит (это касается и В. В. Библихина, отстаивавшего право Розанова представлять мир как целое). «Апофеозом» такой интерпретации стала точка зрения П. А. Флоренского, констатирующего невозможность для Розанова «войти в состав целого мира»^[3, с.321]. Речь идет об интуитивном постижении метафизики мыслителя, подкрепленном рациональными аргументами (Флоренский сравнивал наследие Розанова с хаосом, что предполагает его противопоставление космосу).

Парадокс в том, что, для определения учения Розанова подходит дефиниция метафизики как «натуралистического учения о сверхчувственном мире и об его отношении к миру чувственному»^[4, с.40]; «мыслятся два мира, противостоящих друг другу»^[4, с.40]. «Противостояние» миров составляет внутренний центр творчества Розанова, к которому сходятся «линии» духовных исканий мыслителя как содержание трактата «О понимании» сводится к апологии идеи чистого существования.

Розанов эксплицирует понимание как конкретное переживание, которое в читательском восприятии оказывается набором схем. Для их рефлексии необходимо постижение жизни и творчества мыслителя как целого (во второй половине жизни, связанной с созданием семьи, мыслитель показал, что ранние идеи входят в ткань мира вещей). Изменение тона не изменило интуиции мыслителя, выраженной в «алфавите творчества мыслителя»^[5, с.258]. В.В. Библихин, описывая различие между ранним и поздним периодами творчества Розанова, обращал внимание на язык мыслителя, это «не язык говорящего, а язык

беседы, которую ведут с нами вещи»^[6, с.25]. Язык объединяет творчество раннего и позднего Розанова, его предположение относительно мира как целого. Изучение творчества Розанова - условное приближение к этому языку, «набрасывание смысла»^[7, с.317]. Для мыслителя оно является проблемой, поэтому приближение к его предположению - расширение контекста его высказывания о мире за счет включения в него предположений интерпретаторов. Эта особенность касается не только творчества Розанова как целого, но и отдельных его сторон (он, несмотря на рациональный характер понимания, утверждает «...может лежат в мире нечто иррациональное совершенно, непостижимое...»^[8, с.66]; это не констатация иррациональности мира, как и схематизм понимания не был для мыслителя констатацией его рациональности «... это непостижимые стороны в вещах, а вещи хорошо известны нам другими сторонами своего бытия»^[8, с.66].

Интерпретация отдельных положений трактата В.В Розанова «О понимании» как предположений, конституирующих видение мыслителя

Можно сформулировать два предположения, определяющие отношение Розанова к миру, которые он высказал в своей работе «О понимании». В соответствии с одним из них «... система схем разума может совпадать с системой сторон мира... и тогда мир будет полностью разгадан»^[8, с.65]. Но возможность совпадения схем разума и сторон мира выглядит сомнительной, речь идет о «ненавязчивой глубине под поверхностной рассудочностью»^[9, с.9]. Розанов исходит из этого предположения, чтобы показать непостижимый характер мира (это не рациональная непостижимость, а отсутствие движения от мира к разуму).

Можно предположить, что сложность розановского видения мира в том, что мыслитель в отличие, например, от В.С. Соловьева или С.Л. Франка, для которых открытие непостижимости мира является первым шагом к его постижению, понимал непостижимость как абсолютную. Решение вопроса о том, можно ли интерпретировать непостижимость как возможность постижения зависит от «снимающего усвоения собственных пред-мнений и пред-суждений»^[7, с.328] (например, для В.В. Библихина это «ожидание близкого решающего постижения»^[9, с.9], которое заключается в «освободительном знании безусловной непостижимости мира»^[9, с.9]; речь идет о домысливание того, что Розанов предположил^[8, с.65]; знание непостижимости для Библихина значит больше чем возможность привести интуиции Розанова к системе).

При таком «прочтении» становятся понятными признания Розанова в «...невладении собственным вниманием и чудовищной задумчивости»^[10, с.175]. В описании задумчивости мыслитель совмещает несовместимое - неподъемную тяжесть, каменность и абсолютное безволие - легкую переключаемость внимания, которая должна «мешать» этой задумчивости, а в розановском творчестве она эту задумчивость усиливает. В признании собственной слабости заключается утверждение Розановым непостижимости мира.

«Особенность» предположения Розанова заключается в том, что оно не исключает и альтернативного «предположения», сводящегося к совпадению схем разума и сторон мира между собой. Этим можно объяснить желание Розанова быть практичным «надо ходить в чищенных сапогах»^[10, с.96]. В этом фрагменте интерес представляет совмещение в одном высказывании духовной и материальной сферы, мыслитель переходит от разговора о сапогах к разговору об уме, господство мистики над которым

должно быть «совершенно глубоким, совершенно в себе запрятанным»^[10, с. 96], давая представление о совпадении схемы разума с конкретной стороной мира. «Сапоги» - выражение практического аспекта мира, а мистика - выражение духовного аспекта мира не исключают друг друга. Описанное Розановым положение дел не содержит тайны, показывая «обнажение приема»^[11, с.146]. Розанов, сталкивая между собой духовную и материальную сферы, рассказывает о чем-то совершенно *другом*, имеющем отношение к миру как целому, демонстрируя «глубокое», в себе запрятанное» господство над умом. Это реализованное понимание, которое описывает действительность, не давая читательскому восприятию ничего нового. Розанов показывает существующее положение вещей как совпадение «схем разума» и «сторон мира», не демонстрируя «разгадки», о которой писал в первой работе. В «Уединенном» подтверждается предположение А.В. Соболева о том, что «задушевные мысли позднего Розанова не так уж далеки от идей его раннего трактата»^[12, с.80]

Совпадение «схем разума» и «сторон мира» стало обыденностью. «Предположение» мыслителя «возвращает» зрению читателя остроту, при которой он должен увидеть «... недостающие звенья цепи понимания»^[8, с.18]. Совпадение разума и мира заключается в том, что отвлеченные вопросы связаны с жизнью человека «...с самым основанием ее»^[5, с.259]. В «Мимолетном» Розанов выразил то же самое положение вещей «...есть, то, что есть»^[13, с.26]; «одно дело - жить в своем домике, а другое - полюбоваться на закат солнца»^[13, с. 26]. Замечание Розанова также как и фраза о господстве над умом содержит «разгадку», которую мыслитель обещал читателям «О понимании», если случится совпадение «схем разума» и «сторон мира».

Рецепт открытия тайны мира - оставить тайну мира тайной и фиксировать на ней внимание тогда, когда она откроется человеку, дать ей право на голос (в этом заключается «обнажение приема»), следуя которому тайна мира явит себя в обыденных вещах. «Жить в домике» означает иметь точку опоры, в меняющемся мире, место, которое является в нем своим собственным, но Розанова «... срывает... с каждого места, где стоял»^[10, с.93], то есть его место везде и нигде. В этом смысле «любование на закат солнца» означает открытость миру, готовность принять то, что он предложит человеку. Открытость не сводится к тому, чтобы вывести у мира его тайну, не принося результата, выражающегося в открытии, позволяющем человеку овладеть миром. Розанов, не смотрит на вещи с точки зрения соответствия их бытия человеческому или божественному «сценарию», а любит ими «...мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания (и на ум не приходит)...»^[10, с.154]. В этом состоит и «сила», и «слабость» Розанова. «Сила» заключается в открытости видению, не ограниченному формальными требованиями, а «слабость» - в невозможности повторения опыта видения, который нельзя «поставить» или освоить. Попытка освоения приведет к его ничтожению.

Предположение о постижимости или непостижимости мира у Розанова подчинено опыту понимания, поэтому разрешается за счет открытости видения мыслителя миру (утверждения о совпадении «схем разума» и «сторон мира» и утверждение об их несовпадении потенциально сближены Розановым в одном предположении). Оно может быть истолковано как с точки зрения совпадения «схем разума» и «сторон мира», так и с точки зрения их несовпадения. Мыслитель «выбирает» между рациональным и иррациональным «сценарием» отношения между разумом и миром. С этим связана подчеркнутая В.В. Библихиным, Н.О. Лосским, В.В. Зеньковским и др. неоднозначность

творчества Розанова, его неопределенность, которая «...не просто занимает место какой - либо определенности - напротив она ополчается на любое определение, становящееся радикально недостаточным» [14, с.82-83].

Розанов останавливается в удивлении перед миром как целым «...Я никогда не догадывался, не искал, не подглядывал, не соображал. Но меня вдруг поражало что-нибудь...» [10, с.153]. Продолжая свою мысль, Розанов замечает «...вот так бы или оттуда бы бросить свет» [10, с.153]. Высказывание Розанова объясняет особенности предположений мыслителя, показывая природу «безвыборности», которой были продиктованы его жизненные установки мыслителя. Неопределенность для него - не заранее выбранный сценарий, а возможность принять любой из них. «Бросить свет» означает «понять то, что уже известно как знание» [8, с.15], но сделать это можно по-разному - в этом и заключается понимание Розанова. Он говорит не о знании, а о том, что известно как знание, демонстрируя его незаконченность.

Интерпретация незаконченности воспринимается Розановым как неудача. Нагнетание неопределенности, как и количественное увеличение знания «не отвечает» положению вещей, при котором возможны и совпадение «схем разума» и «сторон мира», и их несовпадение. В мире, стремящемся к определенности, неопределенность не может стать «точкой отсчета», поскольку мышление «угадывает» в ней новую форму определенности. Розановское же «бросить свет» оказывается «неэффективным», поскольку «бросить свет», как и «набрасывание смысла» у Гадамера предполагает постижение чего-то нового и может оказаться разным. Розанов считал, что понимание является законченным в себе «...понимание приобретает замкнутый характер, когда становится совершенным» [8, с.15]. Можно предположить, что он рассматривает возможность понимания по аналогии с совершенным знанием, но Розанов считал, что замкнутое в себе понимание представляет по отношению к знанию иное качество бытия. Эта позиция ближе к интуиции Аристотеля, связывающей абсолютное знание с космическим умом – перводвижателем, чем к позиции философии нового времени, для которой интуиция абсолютного знания связана с бесконечным совершенствованием имеющих познаний. Розанов пытается избежать «дурной бесконечности», когда приобретение нового знания влечет за собой его расширение, поэтому моменты неопределенности связаны в трактате «О понимании» с несовпадением человеческого знания, приближающегося к пониманию и замкнутого в себе понимания, поэтому «Розанов не будет приводить противоположности к единству. Он знает, что обрыв входит в экономию бытия» [9, с.10].

Несовпадение «схем разума» и «сторон мира» для Розанова - *предопределенность*, об этом свидетельствует внимание мыслителя к формам неопределенности в природе и жизни, что демонстрирует розановское понимание истории «...история не есть ли чудовищное другое лицо, которое проглатывает людей себе в пищу, нисколько не думая об их счастье... Как все страшно и безжалостно устроено» [10, с.94]. В этом высказывании Розанова содержится «ключ» к интерпретации предположений мыслителя, касающихся «схем разума» и «сторон мира». Слова мыслителя предполагают ссылку на космический порядок, правильный, но устроенный безжалостно. В этот устроенный безжалостно мир входит и совпадение «схем разума» и «сторон мира», и их несовпадение «...почему же гармония, а не путаница» [13, с.26]. В соответствии с позицией мыслителя зло столь же необходимо, как и добро, порядок так же желателен, как и беспорядок.

Понимание по Розанову демонстрирует предположение, не предлагая найденного

решения, оно делает потенциально необходимыми предполагаемые мыслителем возможности. Возможностей этих бесконечное множество, поэтому от поставленного Розановым вопроса о мире остается неопределенное количество других вопросов. Они разрешимы, но разрешение их оказывается бесчеловечным. Предлагаемый Розановым выход есть возможность множества выходов, делающая «безвыходность» ситуации приемлемой. Это или констатируется Розановым как факт «...нет правила без исключения» - на этом основан мир» [\[15, с.458\]](#) или «разрешение» вопроса дается как привлечение внимания читателя к личности Розанова, чаще всего вследствие неспособности решить указанный вопрос.

Ключом к этой «неспособности» становится объяснение ее Розановым «...кто знает истину? – Все. – А не мудрецы? – Все и есть мудрец; а один всегда есть только он» [\[15, с.527\]](#). Предположение мыслителя можно интерпретировать одновременно как «отказ» одному в праве обладания истиной, и как признание истины общим достоянием. Можно истолковать эти слова Розанова так, что истиной не владеет никто в отдельности, и приближение к ней носит относительный характер. «Относительность» «напоминает» позитивистскую опору на факты, однако «...линяет, линяет человек, да и весь мир в вечном полинянии» [\[10, с.179\]](#). «Опора» Розанова в безопорности человеческого видения мира, которое, хотя оно и относительно, остается для мыслителя единственным.

Эту особенность розановского видения описал В.В. Бибихин «истинная цель науки по Розанову понимать то, что есть» [\[5, с.259\]](#). В розановском «есть» все приближаются к истине, но процесс этого приближения не гарантирует успеха. Предположение Розанова заключается в том, что онтологический исток знания, в котором оно дано в своей определенности (в этом Розанов не расходится с А.Ф. Лосевым) определен и явлен человеку посредством открытости горизонта. Открытость Розанов демонстрирует, как сомневаясь в подлинности конкретных знаний, так и показывая, что знание как целое явлено в опыте неопределенности. «Неопределенность» онтологически оправдана вследствие того, что определенности люди не смогли бы перенести «...не полон ли мир ужасов, которых мы совершенно не знаем? Не потому ли нет полного видения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека?» [\[10, с.161\]](#). В этом описании дан «апофеоз» определенности, открытой, но не подчиняющийся человеку, хотя и соотносящийся с ним. Неслучайно мыслитель с любовью описывал физическую связь мира и человека, считая, что в отличие от духовной связи она нерасторжима, хотя и не определима в человеческих понятиях.

В мире Розанова происходит инверсия: физические отношения, «внешняя» сторона человека, которая для рациональной философии была средоточием неопределенности, становится формой определенности. Мыслитель предполагает, что определенные формы природы и жизни свидетельствуют о лежащих за ними «схемах». То, что спекулятивное знание считает определенным, для Розанова оказывается формой неопределенности, а изменчивость вещи, движения, чувства «демонстрирует» определенность стоящей за ней неопределенной причины, поэтому «конкретные» описания Розанова оказываются «изолированными». Это касается и первой книги Розанова «О понимании», о которой В.В. Бибихин заметил, что для ее подлинного усвоения необходимо не просто соотносить содержание интуиций Розанова с общей формой того, что современный человек привык подразумевать под философией, а интерпретировать, пытаясь следовать не терминологии Розанова, а его интенции [\[9, с.25\]](#). О правоте интерпретации В.В. Бибихина свидетельствует то, что под схемы, представленные Розановым в работе «О понимании», может быть подведен любой реальный объект; их формальная неизменность включает в

себя изменчивость. Кажется, что мыслитель следует общей тенденции философии – универсализации, когда явление предполагает стоящую за ним причину, отчасти это так и происходит, но Розанов останавливается на частном явлении, выражающем общий смысл. Речь идет не о схематическом объединении общего и частного, а о явлении смысла. Предположения Розанова эксплицируют смысл в явлении, не нарушая его «живой» ткани. Становится понятным, почему Розанова «интересуют» отдельные вещи, за которыми «стоит» целое, в них выраженное.

«Отвлеченное» целое, увиденное Розановым вне отнесенности к этой выраженности, представляет собой нечто страшное, поэтому мыслитель видит государство или отечество только через конкретные образы мужиков, попов и т.д. [\[15, с.448\]](#). «Открытая» выраженность целого «пугает» Розанова «...гений он страшный» [\[13, с.214\]](#) (под гениальностью Розанов понимает абсолютную явленность смысла, которая не может измениться, перейти в другое). Невозможность перехода в другое является синонимом разгаданности мира, возможности совпадения «схем разума» и «сторон мира», поэтому в собеседниках мыслитель подчеркивает черты своеобразия. Но речь не идет о гениальности, например, когда мыслитель описывает даровитость своих друзей Шперка, Рцы и Флоренского [\[10, с.71\]](#), то их самобытность оказывается соотнесенной с его собственной оригинальностью (Розанов сближает других людей с целым через собственную личность, оказывающуюся «заместителем» целого).

Возможность сближения с целым «позволяет» Розанову «говорить» от лица мира «демонстрируя» пророческий дар [\[10, с.81\]](#). Мыслитель неслучайно называет себя «...средним во пророках» [\[10, с.81\]](#). Пророчество для Розанова – его домашнее обстоятельство, без миссии «...переломить судьбу народа» [\[10, с.81\]](#). «Усредненность» отношения указывает не на Розанова как пророка, а на целое, выразителем которого он становится (пророчество мыслителя обращено не к миру, а к народу, философ считал его чисто русским явлением, то есть целое у Розанова выражено через конкретное, духовное показано через материальное). Эта особенность Розанова «продолжает» его предположение о несовпадении «схем разума» и «сторон мира», предопределяя невозможность выбора позиции «...мне и одному хорошо и со всеми. Я не одиночка и не общественник» [\[10, с.47-48\]](#).

В высказывании мыслителя интересна как «внешняя» сторона (Розанов как «откровение» описывает только что пришедшую ему мысль), так и «содержание» (переход от описания собственной личности к описанию целого, переход является у Розанова transcensus – выходом за пределы налично данного; он помещен в «житейский» контекст и формально не обоснован). Общее являет себя в частном, но это акцентировано мыслителем так, что частное «замещает» общее. Написанная Розановым «картина мира» эксплицирует предельно общее, явленное в частном моменте.

«Сложность» видения мыслителя в том, что вещь или человек, попавший в «объектив» Розанова характеризуется по конкретной детали, что можно объяснить с помощью различия между эйдосом и идеей «эйдос обладает дифференциальной природой, а идея природой интегральной» [\[16, с.145\]](#). Для того, чтобы выделить эйдос вещи необходимо «...пробегать глазами по очертаниям предмета, впитывая его своеобразие, столь отличное от всего иного и анализировать это отличие» [\[16, с.144\]](#). При выделении «идеи» в отличие от эйдоса разум наблюдает «как из этих деталей создается предмет» [\[16, с.144\]](#). Видение мира Розановым эйдетично, оно фиксирует частные моменты вещи или характеристики человека (лица), останавливаясь на их отличиях от всего другого. А. Ф. Лосев

подчеркивал, что «и эйдос, и идея указывают на некое видение, значимость, ту или иную непосредственно созерцаемую данность»[\[16, с.144\]](#).

Розанов демонстрирует видение, в котором целое представлено как совокупность эйдосов «...гений в том, чтобы соединить художество с ремеслом. И самое высокое с самым обыкновенным»[\[15, с.351\]](#). Мыслитель подчеркивает фрагментарный характер видения, акцентирующий его конкретность, речь идет о пробегании предмета глазами и увиденном таким образом целом. Целое неотделимо от видения как понимание в качестве результата неотделимо от понимания в качестве процесса. Частное показывает соотносительность с целым, но целое, взятое вне «видения», остается абстракцией «...справа с формой, которая кажется бездушием .... должна заключаться в строго и явном разграничении лица и работы»[\[15, с.196-197\]](#). Лицо в своей единственности эйдетически являет целое, а работа как общее являет идею этого целого. Но работа, взятая внеличностно - абстракция, отвлеченный порядок мира представляется для мыслителя разрушением, поэтому он противопоставляет отвлеченный немецкий порядок и русскую расхлябанность. Розанов ищет среднее между двумя крайностями, его интересует момент их сближения, осуществляющегося через конкретные единичности, и целое по Розанову не только включает в себя единичности, но и за счет своего существования поддерживает их независимость; поэтому для мыслителя в его «...справе с формой»[\[15, с.196\]](#) важным остается место в ней лица, субъекта. «Справа с формой» совмещает несовместимое: соотносительность с формой, без которой «...мир не стоит»[\[15, с.196\]](#) и ее «снятие», происходящее во имя единичного целого «...но тут тайна моей диалектики: «мой сегодняшний день... и дал мне всю силу и все проникание»[\[10, с.73\]](#). Сегодняшний день Розанова - конкретное мгновение, единичная вещь, выражающая собой целое.

Невыразимая «суть» Розанова в том, что единичное, конечное является для него точкой отсчета. Этим объясняется то, что В.В. Зеньковский назвал «верой в естество человека и нежной любовью к нему»[\[17, с.440\]](#). Вера в естество человека для Розанова лишена черт «натурализма». Мыслитель подчеркивает момент неповторимости человеческого бытия. Речь идет об апологии единичности человека, которой мешает развиваться навязанная ей религиозная доктрина или позитивистски ориентированная наука. Апология человеческой единичности, как уже было указано, не переходит у Розанова в абсолютизацию человеческой природы, которая оказывается соотносительной с миром как целым.

Особенность предположения Розанова в том, что «отвлеченное» определение целого, под которым нужно подразумевать свободный и неопределенный мир[\[13, с.95\]](#) и которое мыслитель называл наукой, связывая с пониманием, заключается в том, что отвлеченное целое реализовано в конкретных вещах и людях. Оно указывает на них, а они на него; об этом свидетельствует «диалог» Розанова с К. А. Тимирязевым[\[15, с.209-210\]](#), в котором исследуемый позитивистской наукой мир сравнивается с трупом. Характеристики «живого» мира, которые, если рассматривать их изолированно от целого, выдержаны у Розанова в пантеистическом ключе относятся не к «любованию» миром, а к тому, чтобы указать на невыразимую суть отношений мира и человека. Она заключается в сохранении позиций мыслителя и пародируемого им ученого - позитивиста. Они, оставаясь противоположными, не исключают друг друга, связываясь между собой в «нейтральном» пространстве, которым является для мыслителя понимание. «Нейтралитет» Розанова заключается в недостаточности и его позиции, и позиции его оппонента. Речь идет о том, что обе позиции «входят» в неведомую собеседникам тайну

мира. Отличие между Розановым и ученым - позитивистом заключается в том, что Розанов сохраняет уважение к тайне мира, которую его оппонент считает нужным использовать в целях овладения миром.

Позиция Розанова связана с религиозным «пред-пониманием» мира как целого, определяющим духовные поиски его современников В.С. Соловьева, Н.Н. Страхова и др. Для мыслителя и его позиция, и позиция оппонента входят в понимание, поэтому в Розанове «...происходит постепенный процесс отказа человека его эпохи и его круга от позитивизма»^[18, с.64]. Розанов переоткрывает для себя мир традиции, возвращаясь к нему, но мы предполагаем, что его позиция не менялась со времени написания «О понимании». Это всматривание в мир, открывающее что-то новое, не для того, чтобы показать связь найденного с принятой доктриной, а, чтобы доктрина менялась в соответствии с новым, поэтому его суть «...в великой новорожденности»^[15, с.324]. Она заключается в том, что мыслитель заново открывает для себя мир. В этом «открытии» Розанов демонстрирует уже упомянутое «обнажение приема»; событие называется заново, будучи показано с новой стороны. «Собственное» место Розанова находится вне события, он видит мир в иной перспективе: «... вы просто сделанные вещи. Магазин сделанных вещей»^[10, с.114-115]. Данный фрагмент позволяет эксплицировать несколько моментов, важных для творчества мыслителя. Одним из них является неприятие завершенных форм вещей, не имеющих потенции к изменению, самоопределению, индивидуализации, вместе с тем изменчивость вещей акцентирует неизменность понимания «...понимание не связано с жизнью, оно составляет особенный мир»^[5, с.259]. Изменение вещей, не связано с пониманием напрямую, но для него необходимо, чтобы оно происходило именно так, как оно происходит.

Эта особенность видения Розанова дублирует один из моментов, касающихся функционирования идей разума, необходимых для достижения полного понимания «... каждая из идей (схем) бытия не включает в себе всех других идей, но внешним образом опирается на них как на необходимые условия всего пребывающего, в самой же сущности своей есть нечто разнородное от всего другого, есть нечто самобытное и ни с чем не связанное кроме самого сущего, сторону которого оно составляет»^[8, с.49]. В предположении Розанова содержится суть отношения понимания (бытия) к единичным вещам (единичное опирается на общее, но внешне они никак не связаны, их соотносительность дается пониманием).

В понимании возможно сближение того, что не сближаемо в эмпирическом опыте «... Шарик в конуре, с которым можно играть...»^[10, с.114-115] мыслителю ближе, чем его собеседники. Для Розанова важна форма, в которой дано понимание. В поздних произведениях он не прибегает к помощи абстрактных схем, осуществляя «столкновение» вещей, «ломает» читательское восприятие. Шарик противопоставлен в своей конкретности носителям духовных идеалов, существование которых Розанов считает абстракцией. Помимо противопоставления живого существа абстрактно-духовному чужому миру имеет место «искусственность» ситуации, придуманной мыслителем, в которой возможно противопоставление. Это «спланированная» Розановым ситуация понимания, предположение мыслителя о мире, опыт его постижения, который нельзя поставить, тем не менее он был «поставлен» Розановым на страницах «Уединенного». «Версию» постановки опыта понимания Розанов предлагает читателям, описывая свое отношение к событиям «...поразительно, что иногда я гляжу во все глаза на событие, и даже пишу о нем статьи, наконец - произношу о нем глубоко раздельные слова, ясного и значительного смысла, в уровень и в сердцевину события: и между тем

совершенно его не вижу...» [10, с.53] (это - момент «чистого» понимания, отличающегося от знания о событии; описание связи между событием - конкретным сущим - и идеей понимания, определяющей сущее; у Розанова идея понимания определяет не сущее - конкретное событие, а отдельную сторону этого события). Вместе с тем в силу эйдетического характера описаний мыслителя речь у него идет о событии как целом. Из-за того, что, как уже было упомянуто, «схема разума» может не совпадать со «стороной мира», положение события остается проблематическим.

«Выбор» мыслителем события и реакция на него не поддается объяснению, Розанов маркирует события, соотнося их с собственной субъектностью «...у меня затяженность души событием...» [10, с.53]. Она является посредником между событием и положением дел, которое отражает метафизика мыслителя. Соотношение между этими «доминантами» творчества Розанова может меняться, но их корреляция остается неизменной «...хотя бы мысль какую-нибудь я совершенно оставил, даже хотя бы наконец я ее возненавидел, тем не менее я имею ее, то есть так думаю, но думаю уже в виде слабого оттиска...» [13, с.16]. Это объясняется понимающей установкой творчества Розанова, в центре которой не конкретная точка зрения, а возможность выдвижения множества предположений, являющаяся точкой сближения видения раннего и позднего Розанова.

В поле зрения исследователей, как правило, оказывается или поздний, как в исследовании Н.О. Лосского и А.В. Соболева или ранний Розанов, как в работах В.В. Библихина. Это объясняется тем, насколько для исследователя важны «пред-мнения», касающиеся творчества мыслителя. В соответствии с ними поздний Розанов более понятен, чем ранний, а высказывания мыслителя, ставшие популярными, представляют творчество Розанова как целое, о спорности такой позиции писал В.В. Библихин. Это предположение выявляет проблему связности миров раннего и позднего Розанова, так как стилистически произведения позднего Розанова отличаются от ранних работ. Мы полагаем, полагаем, что в работе «О понимании» речь идет о терминологически зафиксированном видении целого, а в «Уединенном», «Мимолетном», «Апокалипсисе нашего времени» о видении целого с точки зрения единичного.

Различие между ранними и поздними произведениями мыслителя становится условием для восприятия особенностей творчества Розанова, демонстрируя, как идеи мыслителя были увидены им в контексте обыденной жизни. Связь между ранними и поздними сочинениями Розанова актуализирована, как мы предполагаем, в *символичности* видения (речь не идет о целостной установке творчества Розанова, которая интерпретируется символически).

Символичность творчества как предполагаемая возможность сближения интенций «раннего» и «позднего» Розанова

Символичность произведений Розанова является «пред-мнением» - потенциальной возможностью объяснения творчества мыслителя, позволяющей эксплицировать его особенности. Экспликация символичности осуществляется на нескольких «уровнях» видения творчества мыслителя. Их «развертывание» производится в нашей работе от единичного к общему. На наиболее конкретном «частном» уровне символичность выражается в том, что общее указывает на частное, а частное на общее, что может быть интерпретировано с разных позиций.

В соответствии с одной из них конкретные утверждения Розанова связаны между собой в отвлеченно понимаемом пространстве текста (речь идет о нахождении этих высказываний в одной книге например, в «Уединенном»). Более сложный вариант

символического соотношения общего и единичного представляет собой творчество Розанова как отвлеченное единство идей, взглядов и т.д, например, в анализе творчества Розанова Лосским и Зеньковским. При такой интерпретации имеет место символически данная связь - части и целое не просто указывают друг на друга, а являются связью как нечто конкретное. Основываясь на интуициях В.В. Библихина, мы предполагаем, что на более высоком качественно ином уровне, обуславливающим другую степень конкретности отдельных моментов, творчество Розанова является *символом*, для которого символизируемым становится понимание как непостижимый смысл, а символизирующим - жизнь Розанова (это «пред-мнение» нельзя понимать буквально, поскольку это «расходится» с утверждением мыслителя, касающимся совпадения «схем разума» и «сторон мира»; противоречие разрешимо, учитывая, то обстоятельство, что «О понимании» эйдетически подчеркивает моменты отличия знания от понимания; эта особенность «мешает» причислить Розанова к «позитивистскому» лагерю).

Возможность интерпретации понимания как знания также подчеркивает символичность мира Розанова. А.Ф. Лосев указывал на обобщающий характер символа «...символ есть обобщение, указывающее на множество фактов, для которых это обобщение является принципом, законом и методом, знаком и силой»^[19, с.30]; (по Библихину это «понимающий жест, хватка, ловкость мастера»^[9, с.12], который может быть применен к разным вещам, но не связан с ними как означаемое и означающее в символе не связаны друг с другом). Особенность «понимающего жеста» Розанова коррелирует с описанием символа «...символ есть внутренне внешне выразительная структура вещи и знак этой структуры, не имеющий связи с означаемым содержанием»^[19, с.45], «...символ базируется на ином субстрате чем тот, который он символизирует»^[19, с.55].

Дефиниция символа, на наш взгляд, демонстрирует особенность видения Розанова - вещи указывают на понимание, не имеющее к ним непосредственного отношения, что «порождает» апофатику творчества мыслителя (то, чего нельзя доказать, а можно только увидеть лежит в основе доказательств «...я никогда не говорил неправды. Все мои «да» и «нет» равно истинны»^[15, с.198]). Особенность этого описания в том, что «субстратом», на котором разворачивается понимание, становится личность мыслителя: демонстрируется, что субстрат может быть любым, поскольку личность меняется, оставаясь неизменной «...на предмет нужно иметь тысячу точек зрения»^[15, с.527], «и действительность только через тысячу точек на нее зрения и определяется»^[15, с.527] (действительность неопределима и вместе с тем символична, указывая на нечто, чем она определяется, не будучи с этим связана).

Описание действительности у Розанова соответствует определению символа «...символ не данность вещи, а заданность, ее предположение, полаганье»^[19, с.12]. Действительность, на которую может быть тысяча точек зрения, по Розанову не дана, а задана, она может быть развернута из тысячи точек зрения, в то же время каждая точка зрения раскрывает заданность лишь отчасти «...в символе обобщение создает бесконечную смысловую перспективу»^[19, с.40] (бесконечную смысловую перспективу, рассмотренную со стороны конечных вещей, выражает творчество Розанова).

В соответствии с другим определением символ представляет собой «...функцию, которая является моделью для бесконечного ряда приближений к ней»^[19, с.15], исходя из чего интуиция Розанова представляет собой единичный момент приближения к вечному пониманию. Конкретная точка приближения содержит в себе частное понимание

(Розанов относит отвлеченные дефиниции к конкретным вещам). Вне символизации как приближения к целому интерпретация творчества мыслителя является неполной. Предложенная нами дефиниция, как уже было указано, является «пред-мнением», в соответствии с которым символизация вводит интерпретатора в отношение к миру Розанова как целому. Мы предполагаем, что в отношении интенций Розанова учение Лосева об интерпретативном символе сближается с методологией герменевтики несмотря на различие исходных установок видения «...целое в тексте надлежит понимать на основании части, а часть интерпретировать на основании целого»^[6, с.72], что соответствует учению об интерпретативном символе, но у Гадамера речь о произведении искусства, а у Лосева - о символе как задании, которое должно быть выполнено.

Мы предполагаем, что в отношении творчества Розанова «задание» не может быть выполнено, поскольку оно является бесконечным символом, интерпретациями которого становятся стратегии его постижения. Н. О. Лосский рассматривал творчество Розанова как целое на основании его частных моментов. В.В. Зеньковский, напротив, исходил из понимания творчества мыслителя как целого, которому подчинены частные моменты.

Точка зрения Н. О. Лосского состоит в том, что «... произведения Розанова не носили системного последовательного характера, но в них часто обнаруживались искры гения»^[20, с.396-397]. Философ характеризует творчество Розанова, исходя из его частных моментов, предвосхищающих картину целого, вместе с тем Лосский сдержанно оценивает работу Розанова «О понимании»; для него превалирующим в творчестве Розанова оказывается выразительная сторона, его стилистика, указывающая на «искры гения».

В. В. Зеньковский рассматривает творчество Розанова как движение от целого к частям, выделяя в духовных исканиях мыслителя периоды «чистого» православия, различения религии Голгофы и религии Вифлеема и христорчества»^[17, с.438] (в основании дефиниции периодов лежит, на наш взгляд, рефлексия символичности творчества Розанова). Каждый период указывает на творчество мыслителя как целое, которое выражается через него. Предположение Зеньковского, несмотря на соответствие интенциям Розанова, выделяя целое, «оставляет» без внимания частное, поскольку, характеризуя переход мыслителя от одного периода к другому, недостаточно обращает внимание на их своеобразие. Развернутый Зеньковским символ, если воспринимать его в отрыве от частных моментов творчества Розанова, тех «искр», на которые указал Н.О. Лосский, становится абстракцией.

Образ «искры», использованный Н.О. Лосским, подтверждается В.В. Библиным «... творчество Розанова размечено прорывами»^[9, с.13]. Оно в качестве реализованного символа эксплицируется через «прорывы» или «искры» (Г.П. Федотов назвал это «процессом распада атома»^[3, с.387], то есть «распад в Розанове радикально-позитивистского и церковно-консервативного сознания»^[3, с.387]; поэтому «идеи доступны Розанову лишь в отвлеченных сгустках быта»^[3, с.386]). Г.П. Федотов отметил черту Розанова, позволяющую сблизить пред-мнение о творчестве мыслителя как целом и как совокупности частных моментов. Символизация возможна для Розанова, если бесконечная смысловая перспектива связана с конкретной вещью. Это - «измельчение» символа, когда он, указывая на бесконечную смысловую перспективу, тем не менее не может быть отвлечен от «субстрата»^[19, с.44], на котором он дан. Эту особенность своего видения Розанов описал как то, что «...здорово так думать...»^[13, с.334], что указывает на разные перспективы видения.

Одна из них связана с состоянием субъекта, а другая с состоянием вещей, которым должно быть хорошо. Вещь по Розанову, символизируя нечто, сближается с ним. Мы предполагаем, что в «маленьком» мире Розанова сближение делает смысловую перспективу конечной, поэтому он возвращается в то, что называет «...своим сегодняшним днем» [\[10, с.73\]](#) (то, что А.Ф. Лосев называл приближениями к функции, для которых эта функция становится моделью, осуществляется у Розанова как абсолютизация самих приближений); поэтому Розанов не торопится высказывать о вещи «последнего» суждения, а в его символичности движение к бесконечному предполагает возможность возвращения в конечное.

Эта особенность творчества мыслителя составляет, как уже было указано, силу и слабость позиции Розанова. «Сила» заключается, в неограниченных возможностях символизации. Слабость состоит в том, что полученный символ – творчество Розанова оказывается «изменчивым», поэтому «...ни одной вялой строчки на таком неизмеримом протяжении всех трудов...» [\[13, с.13\]](#). Желание открывать новое у Розанова «противостоит» завершенности. Речь идет не о бесконечной смысловой перспективе, а о конечной перспективе, абсолютизирующей духовные поиски мыслителя и их онтологический исток – личность автора. Розанов констатировал, что «...просто не имеет формы (causa formalis Аристотеля)» [\[10, с.34\]](#), что подтверждает подлинность интуиции Флоренского о невхождении Розанова в состав целого мира. Мы предполагаем, что сутью невхождения остается символичность мыслителя (Розанов, не входя в целое, указывает на него, демонстрируя, что мир существует, и его существование отличается от человеческих представлений).

Самозекспозиция мыслителя делает необходимым подход, позволяющий объяснить «внеаходимость» Розанова, с чем связана изменчивость позиции мыслителя. Мы предполагаем, что интуиция, с помощью которой можно объяснить творчество Розанова, содержится в учении А.Ф. Лосева о Самом Самом. В этом контексте становится явной суть «движения» мыслителя к миру, эксплицирующая черты видения Розанова и определяющая переход от апофатки вещи – ее абсолютной неопределимости к катафатике – возможности ее определения на фоне отвлеченных от нее признаков [\[21, с.323\]](#). «Переход» по Лосеву определим только в терминах диалектики как логики символа [\[21, с.346\]](#). Символ существует для того, чтобы явить в себе Самое Само конкретной вещи, «...указав на то, что вот она вещь» [\[21, с.318\]](#). Мы предполагаем, что Розанов в своем творчестве- символе осуществляет процесс экспликации невыразимого Самого Самого конкретных вещей без перехода к инобытию вещи, когда она определяется на фоне своих признаков. Мыслитель останавливается на Самом Самом вещи, демонстрируя ее несводимость ни к чему другому. Вещи у Розанова неопределимы в своей конкретности, но неопределимость вещи предполагает возможность выдвижения ее особенностей.

Позиция Розанова представляет собой «балансирование» между неопределимым Самым Самим вещи, которое мыслитель интуитивно эксплицирует и множеством ее явленностей. Розанов не приходит к ней рациональным путем (рационализация, если она и была осуществлена, производится им постфактум; неслучайно А.Ф. Лосев считал Самое Само «...жуткой могущественной реальностью» [\[21, с.334\]](#), указывая на иррациональные характеристики Самого Самого, лежащие в основе рационального определения Сущего, что интуитивно отмечал Розанов «...самое существенное просто действительность» [\[10,](#)

[с.169\]](#)). Эта особенность показана мыслителем и под другим углом зрения «...правда выше солнца,... выше Бога...»[\[10, с.52\]](#). Если объединить эти высказывания Розанова в рамках одного «предположения», то его можно сформулировать так, что действительность и есть правда о мире. Если для Лосева апология Самого Самого есть отстаивание рациональным путем иррационального истока знания и бытия, то для Розанова это аффективное переживание Самого Самого как невыразимой правды мира «...я не хочу истины, я хочу покоя»[\[10, с.169\]](#). Мыслитель, подчеркивая невыразимость того, что он должен сказать, дает место тишине, в которой уже сказано самое важное (речь идет о желании Розанова начать «управлять» тем, чем он не владел; с этим связаны обвинения мыслителя в аморализме, смене позиций).

Мы предполагаем, что невыразимое Самое Самовыражается, входя в символический мир творчества Розанова. Особенности «вхождения», за которым мыслитель скорее наблюдает, чем в нем участвует, мы рассмотрели в другой работе[\[22, с. 109\]](#). Интерпретация творчества мыслителя в контексте учения о Самом Самом не объясняет целое, а касается его отдельных сторон, что необходимо для того, чтобы от «чистой» апофатики Самого Самого перейти к предположениям, раскрывающим творчество Розанова как конкретное целое.

Мы предполагаем, что одной из «теорий», позволяющих осуществить переход от экспликации творчества Розанова как целого к описанию мыслителем конкретных вещей, является учение Аристотеля о потенции (речь не идет об общности «доктрин» Аристотеля и Розанова, а о б общности взгляда; написанная до начала Розановым перевода «Метафизики» Аристотеля работа «О понимании» содержит учение о потенции, которое мыслитель считал важным для своего творчества «...чуть ли о потенциях у меня не подробнее всех философов изложено»[\[23, с.358\]](#)). Для понимания творчества Розанова оказывается значимой интенция Аристотеля «...вообще если искать элементы существующего, не различая множества значений сущего, то найти эти элементы нельзя»[\[24, с.91\]](#). Аристотель критикует учения натурфилософов, но замечание о «множестве значений сущего» характеризует «позицию» Розанова - чтобы найти целое, необходимо знать множество значений частного «...одна и та же истина возникает в человечестве бесконечное число раз»[\[25, с.23\]](#), таким образом, становится возможным множество потенций истины и переходов между ними «...все происходящее обусловлено тем, что дано в осуществленном виде»[\[25, с.48\]](#), а в космическом уме, преследующем свое мыслимое, наличествует синтез стремления цели и ее достижения[\[25, с.54\]](#). Понимание Розанова, имеющее человеческий характер (В.В.Биbihин) и отличающиеся этим от Ума Аристотеля представляет собой синтез стремления к цели и ее достижения. Розанов в «О понимании» уделял внимание различению деятельного, но не самостоятельного ума от пассивного, но абсолютно самодовлеющего разума, который раскрывается только в те моменты, когда «сама жизнь пытается стать его отражением»[\[8, с.25\]](#).

Мы предполагаем, что «общей» особенностью Аристотеля и Розанова является интенция осуществленности мира - стремление показать, как теория реализуется в «живом» космосе. Формой ее реализации и у Аристотеля, и у Розанова становится потенция. А.Ф. Лосев выделяет у Аристотеля четыре значения термина «потенция» «...потенция есть принцип движения и изменения, наличный в чем-нибудь другом или поскольку это самое есть другое»[\[25, с.106\]](#). Первое значение термина «потенция» - способность; второе - «принцип изменения под действием другого или поскольку и это само есть в

страдательном смысле другое»[\[25, с.106\]](#); третье - «...принцип проводить что-нибудь хорошо или по предварительному расчету»[\[25, с.106\]](#); четвертое - «привычное состояние, в котором нечто оказывается нелегко подверженным аффектации»[\[25, с.106\]](#).

Розанов отмечал, что «потенция- способность или совокупность условий с присоединением других перейти к реальному существованию или вместе и стремление к этому существованию»[\[8, с.39\]](#); потенция как возможность семени перейти в дерево является простой и неопределенной, в то время как произрастающее семя, содержащее в себе помимо способности стремление перейти в дерево, является сложной определенной[\[8, с.39\]](#). По Розанову определенные потенции, благодаря содержащейся в них скрытой жизненности, переходят в один вид реального бытия[\[8, с.51\]](#); неопределенные же зависят в своем реальном бытии от дополняющих условий[\[8, с.51\]](#).

Определенные потенции - способности, соответствуют у Аристотеля первому «типу» а неопределенные, нуждающиеся в дополняющих условиях, второму «типу». Для Аристотеля земля - потенция семени, для Розанова – потенция растения, а семя является дополняющим условием для ее реализации [\[8, с.51\]](#). Различие между Розановым и Аристотелем в том, что для Розанова основную роль при реализации потенций играют дополняющие условия; они связаны с действительным миром, для Аристотеля же они носят умозрительный характер. Этим объясняется внимание Розанова к конкретным событиям как условиям реализации потенций. Для мыслителя важна потенциальность как феномен, фиксирующий возможность перехода одной вещи в другую. Эта особенность обуславливает предположения мыслителя, давая возможность интерпретировать его творчество в контексте теории, базирующейся на диалогичности в частности духовных исканий М.М. Бахтина.

С.А. Шульц сближает творчество Розанова и Бахтина вследствие общей для мыслителей возможности открытия нового в философии и литературе[\[26, с.45\]](#), что объединяет духовные искания В.В. Розанова, М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева, акцентировавшего «новость становления»[\[21, с.340\]](#). «Новость...» как неожиданность сближения вещей характеризует символ. Учение Лосева о символе[\[19, с.40\]](#) и интуиции Бахтина коррелируют между собой в предположении о бесконечности смысловой перспективы символа «...переход образа в символ дает смысловую перспективу»[\[27, с.381\]](#), поэтому творчество Розанова является конкретным символом, связанным с особенностями стиля и содержания произведений мыслителя. Наша интерпретация основана на интуиции потенциальности, акцентирующей вещи как дополнительные условия, в которых потенции или смыслы нуждаются для своей реализации и на интуиции Бахтина, в соответствии с которой «...вступление в сферу смыслов осуществляется через ворота хронотопов»[\[28, с.406\]](#). Хронотоп Бахтина символичен в силу того, что в нем, время и пространство взаимодействуя и входя в новое отношение, не сводимое ни к времени, ни к пространству в отдельности, вместе с тем могут быть представлены как отдельные друг от друга величины, обуславливая «материализацию времени в пространстве»[\[28, с.399\]](#).

Наше предположение о возможности сближения теории хронотопа и произведений Розанова обусловлено тем, что мыслитель в последних произведениях сближает между собой изображаемый и изображающий миры. На произвольности границы между ними основано «разграничение» раннего и позднего Розанова (В.В. Биbihин, В.В. Зеньковский, А.В. Соболев; выбор В.В. Розановым такой формы для артикуляции идей потенциальности был проанализирован нами в другой работе, где мы предположили

возможность хронотопность мира Розанова, определив хронотоп как «универсальную встречу, реализующую потенциальные смыслы творчества Розанова в пространстве и времени материального мира»^[29, с.251]; основываясь на этом, мы выдвинули предположение о возможности экспликации творчества Розанова как ряда символических встреч, в которых его генерализующая интуиция конкретизируется, определяя макрокосм мыслителя посредством хронотопов роста, мира, дома, России и семьи.

Хронотоп роста для Розанова - любое потенциальное изменение. «...рост было, есть и будет»^[10, с.415]. Хронотоп мира «превращает» универсальную потенциальность в определенную потенцию. Речь о порядке, в рамках которого осуществляется рост как универсальное изменение. Мир может быть своим и чужим для Розанова, а может быть и враждебным ему «просто дырой»^[10, с.139-140]. В хронотопе дома, сближенным как с метафизическим миром, так и с реальным миром пространства и времени возникает противоречие дома и антидома, становящиеся условием подлинности вопрошания «крепче затворяй двери дома»^[10, с.286]. В хронотопе России противоречие между подлинной Россией и реально существующей страной переживается как личная трагедия Розанова. Это восприятие своего как чужого, не переставшего от этого быть своим, что напоминает интуицию Бахтина, касающуюся «чужих-своих слов»^[27, с.385]. В хронотопе семьи «встреча» своего и чужого миров становится личной болью мыслителя «... я чувствую, что метафизически не связан с детьми, а только с «другом» Разве с Таней»^[10, с.245].

Мы предполагаем, что хронотопы Розанова «построены» следующим образом: хронотоп роста, выражающий абсолютную потенциальность, является наиболее отвлеченным и вместе с тем наиболее конкретным. Он соответствует интенции мыслителя, другие хронотопы указывают на хронотоп роста, будучи связаны через него друг с другом. Наше предположение о хронотопности миров Розанова не снимает противоречий, а принимает их, сближая стиль и содержание его произведений «...чем разнообразнее части единого целого, тем могущественнее проявление этого единого в мироздании»^[30, с.16]. Разнообразие «подходов» позволяет «увидеть человека Розанова»^[31, с.208], приводя собственные предположения мыслителя и предположения интерпретаторов в конкретно осуществленное единство.

Заключение

Изучение особенностей творчества Розанова предполагает движение в герменевтическом круге от целого к частям и от частей к целому, «замыкаясь» на переходе от понимания как бытия к пониманию как событию^[6, с.22], в котором мир открывается как символически реализованное понимание. «Открытие» мира вводит искания Розанова в особый контекст, в котором «мысль пытается мыслить нечто такое, чему нет языка и к тому же она не в силах надежно держаться собственной интенции»^[6, с.37]. Рефлексия «открытия» Розанова возможна как предположение мыслителя о мире, вмещающее в себя творчество Розанова как целое. «Движение» к целому осуществляется с помощью предположений исследователей, интерпретирующих «предположение» Розанова. «Сближение» этих предположений происходит в нашей работе на основе символичности мира Розанова, дающей возможность истолковать творчество мыслителя в контексте учения А.Ф. Лосева об интерпретативном символе и теории хронотопа М.М. Бахтина. Множественность интерпретаций и разнообразие

трактовок творчества свидетельствует о подлинности вопрошания Розанова, вечном смысле его страданий, обозначенном «буду ли я читаем? Я думаю вечно»^[13, с.63], определяющем возможность поиска человеком своего места в мире.

Библиография

1. Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М.:Издание автора, 1917. 335 с.
2. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки./Под общ. Ред. Ю.П. Сенокосова. М.:«Лабиринт»,1996. 432 с.
3. В. В. Розанов: pro et contra, антология/сост., вступ. статья, коммент. А.Я. Кожурина. СПб.:РХГА, 2021. 824 с.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура.М.:Политиздат, 1991. 525 с.
5. Биbihин В.В. Другое начало. СПб.:Наука, 2003. 430 с.
6. Гадамер Г.Г.Актуальность прекрасного. М.: Ис-кусство, 1991. 367 с.
7. Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Розанов В.В. О понимании./Под ред. В.Г. Сукача.М.:Танаис,1995. 808 с.
9. Биbihин В.В. Время читать Розанова. // Розанов В.В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис,1995. С. 9-25.
10. Розанов В.В. Уединённое. / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николукина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
11. Синявский А. Д. «Опавшие Листья» В.В. Розанова. Париж.:«Синтаксис»,1982. 337 с.
12. Соболев А.В.О русской философии. СПб.:Издательский дом «Миръ», 2008. 496 с.
13. Розанов В.В. Собр. соч. Мимолётное / Под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1994. 541 с.
14. Грякалов А. А. Понимание и неопределенность (Опыт В. В. Розанова) // Философские исследования. 2016. Т. 5. № 1/2 (9/10). С. 80–106.
15. Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николукин.М.: Республика, 2005. 671с.
16. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.:Мысль, 1993. 960 с.
17. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
18. Кашина Н. К. Балансирующий Розанов: проблема религиозного творчества в произведениях писателя // Вестник ННГУ. 2009. №6-2. С. 59-65.
19. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.:«Искусство», 1976. 367 с.
20. Лосский Н.О. История русской философии. Пер с англ. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
21. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность./Сост, А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
22. Акимов О.Ю. «Самое Само» Василия Розанова // Философия и культура. 2023. № 9. С.106-127. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.9.44078 EDN: XVQNDK URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_44078.html
23. Розанов В.В. Собр. соч. В нашей смуте(Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху) / Под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2004. 429 с.
24. Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 552 с.
25. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Фолио, 2000. 880 с.
26. Шульц С. А. К специфике жанра фрагмента у Розанова // Литературоведческий

журнал. 2019. №45.С. 44-53

27. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества /Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.

28. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

29. Акимов О.Ю. Миры В.В. Розанова: понимание как миф во времени: Моногр. Тула.:ТППО, 2022. 273 с.

30. Федякин С. Р. Неоконченная "партитура" Розанова//Литературоведческий журнал. 2019. №45. С. 13-20

31. Чернявцева М. С. О возможности «прорыва» к подлинному Розанову // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 204–223. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-204-223

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья является интересной, прежде всего, по своему замыслу. Творчество В. В. Розанова, особенно позднего, не может подлежать какой-то однозначной интерпретации, так как по своему характеру оно ближе к художественному, литературному дискурсу, чем к научному, философскому. А для художественного дискурса однозначность – скорее недостаток, чем достоинство. Поэтому наследие этого мыслителя – богатый материал для герменевтики, подразумевая под последней некое «искусство», а не «исследование». Герменевтика никогда не может претендовать на «общезначимость и необходимость» своих выводов, так как всегда содержит в своей основе интуицию и фантазию. Таким образом, статья является наглядным примером современного «герменевтического искусства».

Реализация авторского замысла является в целом удачной, хотя и несколько громоздкой. Впечатление громоздкости возникает из-за того, что она т. с. «трехуровневая». Следуя учению Гадамера, автор исходит из того, что всякой интерпретации предпослано некоторое «пред-мнение» или «предположение». Но эти предположения разделены автором на три уровня. Первый уровень – это предположения самого Розанова. Их автор находит в раннем сочинении Розанова «О понимании», которое является по сути дела единственным собственно философским произведением писателя. Второй уровень – это предположения интерпретаторов Розанова о его предположениях. Речь здесь идет о П.А. Флоренском, В.В. Зеньковском, Н.О. Лосском, В.В. Библихине и др. Наконец, третий уровень – это предположения самого автора статьи, основанные на предположениях интерпретаторов о предположениях самого Розанова. Здесь автор статьи приходит к своему оригинальному выводу о возможности «истолковать творчество мыслителя в контексте учения А.Ф. Лосева об интерпретативном символе и теории хронотопа М.М. Бахтина». Я не уверен, что второй уровень так уж необходим автору. Можно было бы сразу от первого перейти к третьему. Но это, как говорится, авторское дело.

Конечно, подобная многоуровневость несколько затрудняет чтение статьи, тем более что автор явно не владеет «изысканным стилем» и пишет довольно «тяжеловесно». Но, думаю, это не стоит ставить автору в упрек, или, тем более заставлять его что-то переделать, так как предполагаю, что он не только так пишет, но так и мыслит. (Хотя, честно признаюсь, я, например так и не понял, что означает во фразе «Мы полагаем, полагаем,

что в работе "О понимании" речь идет...» двойное «полагаем, полагаем»: опечатку или подражание лосевскому «Самое Самое»).

Кроме того, первый из окончательных вывод автора, а именно вывод, что творчество Розанова представляет собой «интерпретативный символ», на мой взгляд, едва ли является оригинальным. Кто бы в этом сомневался? Розанов – человек эпохи символизма; и подобное можно сказать о многих других его современниках. Но, пусть так!

В целом статья заслуживает публикации.